

Сяо Кань кивнул:

— Цзинъюнь понял.

— Понял? Тогда почему до сих пор не собираешь вещи? — холодно бросил Сун Юй.

— Цзинъюнь сейчас пойдет, прошу, дядя-учитель, подождать немного. — Сяо Кань произнес каждое слово четко и ясно, совершенно не так, как обычно, когда он был мягким и покорным.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, прежде чем Сяо Кань развернулся и вышел.

Гуань Яо, не понимая, что происходит, спросил:

— Чунцзинь, что случилось между тобой и Цзинъюнем?

— Ничего.

Любопытство Гуань Яо разгорелось:

— Цзинъюнь всегда относился к тебе с уважением и любовью, почему же сегодня он вдруг стал тебе враждовать?

Сун Юй, услышав этот вопрос, слегка поморщился:

— Детские капризы, пусть себе дуется.

— Хм... — Гуань Яо протянул, явно намекая на что-то. — Возможно.

Когда Сяо Кань и Сун Юй встретились у входа в деревню, Сяо Кань заметил, что Сун Юй пришел один. Он хотел спросить, но не посмел.

— У него важные дела, он не поедет с нами. — холодно произнес Сун Юй, бросив на собеседника взгляд и шагнув вперед.

Сяо Кань, чувствуя смесь обиды и радости, тут же последовал за ним.

Сун Юй почувствовал, что тот, кто шел за ним, приближается все ближе. Взглянув на землю, он увидел, что их тени уже слились. Тогда он ускорил шаг.

Этот поступок вызвал у Сяо Каня раздражение, но в то же время он не мог не восхищаться Сун Юем.

— Учитель, вы все еще сердитесь на Цзинъюня? — спросил Сяо Кань, следуя за ним.

Лицо Сун Юя было мрачным, он не удостоил собеседника ответом.

— Учитель, Цзинъюнь знает, что был неправ. — Сяо Кань хотел потянуть за одежду Сун Юя, но не посмел.

Сун Юй мысленно усмехнулся: еще недавно он говорил с ним так враждебно, а теперь вдруг изменился.

— Учитель, вчера Цзинъюнь переступил границы, но... — голос Сяо Каня постепенно затих.

Но что? Сун Юй хотел услышать, как он объяснит это.

Сяо Кань думал, как бы подобрать слова, но всю ночь так и не нашел подходящих.

Изначально Сун Юй хотел дать ему шанс объясниться, но, увидев, что тот замолчал, снова ускорил шаг.

Сяо Кань, чувствуя панику, мог только глупо следовать за ним, не смея идти рядом.

Продумав все на протяжении пути, он наконец произнес, глядя на спину Сун Юя:

— Вопрос, который Цзинъюнь задал вчера, был неуместен. Я не подумал о правилах приличия и не взвесил свои слова. Цзинъюнь всю ночь корил себя. Пожалуйста, учитель, простите меня.

Но это было не то, что хотел услышать Сун Юй. Все эти слова были лишь попыткой оправдаться и вымолить прощение.

Видя, что Сун Юй никак не реагирует, Сяо Кань добавил:

— Цзинъюнь просто... просто был взволнован словами Линьцзяна и дяди Яо... и действовал импульсивно...

То, что хотел услышать Сун Юй, было объяснением этого поступка, но когда он его получил, его недовольство только усилилось. Казалось, это был не тот ответ, который он ожидал.

— Цзинъюнь сделал это не со зла, прошу, учитель, простите племянника и не игнорируйте меня больше... — Сяо Кань украдкой ухватился за край одежды Сун Юя.

Сун Юй вдруг осознал, что, будучи учителем, он не смог должным образом научить Сяо Каня в этом вопросе, и не мог полностью винить его за такой поступок. Ведь в вопросах близости и привязанности он сам не мог служить примером.

— В следующий раз... больше так не делай, это неправильно. — Сун Юй глубоко вздохнул.

Увидев, что Сун Юй наконец обратил на него внимание, Сяо Кань сразу же обрадовался:

— Цзинъюнь будет следовать наставлениям учителя!

— И еще, не обсуждай других.

Сяо Кань вспомнил, что его вопрос о том событии так и остался без ответа, и до сих пор мучил его.

— Дядя Яо — человек благородный и добрый, его все уважают и любят. К тому же, он с юности знаком с дядей. Учитывая, что дядя Яо склонен к мужчинам, Цзинъюнь, взволнованный, не смог сдержаться и задал такой вопрос.

— Теперь Цзинъюнь знает, что был неправ, но все же хотел бы обсудить это с дядей спокойно. Мог бы дядя ответить на мой вопрос?

Сяо Кань схватил широкий рукав Сун Юя, заставив того остановиться.

— Если мы говорим спокойно, то я спрошу тебя: почему ты так настаиваешь на этом? — Сун Юй посмотрел прямо в глаза Сяо Каня.

Сяо Кань сглотнул и ответил:

— Линьцзян уже влюблен в дядю Яо, и дядя Яо, должно быть, отвечает ему взаимностью.

— И это все? — Сун Юй выпалил, не подумав.

— А? — Сяо Кань считал, что этот ответ должен был быть правильным, но Сун Юй, оказывается, ждал большего.

Сун Юй был разочарован:

— Тогда поверю тебе на слово...

— Нет, не только это! — Сяо Кань поспешно перебил его. — Если говорить откровенно, Цзинъюнь...

Сун Юй почувствовал легкое смятение:

— Что?

Сяо Кань, глядя на него, постепенно успокоился и медленно ответил:

— Цзинъюню не нравится, что дядя испытывает чувства к кому-то другому.

Его слова, четко произнесенные, словно подняли горячий ветер, от которого уши Сун Юя покраснели.

— Хм. — Сун Юй почувствовал странное волнение. — Я понял.

Высказав свои истинные чувства, Сяо Кань почувствовал облегчение:

— Теперь, когда дядя понял, мог бы ответить на мой вопрос?

Сун Юй кашлянул, повернулся и продолжил путь, хотя шаги его уже не были такими быстрыми, как раньше.

— Учитель, почему вы не отвечаете? — лицо Сяо Каня снова потемнело.

— Если тебе это не нравится, зачем мне делать то, что тебя огорчает? — Сун Юй почувствовал легкое смущение.

— К тому же, я, твой отец и брат Яо учились у одного мастера, мы как братья. Откуда здесь может быть речь о чувствах?

Сун Юй говорил строго, не оставляя Сяо Каню возможности найти в его словах что-то неправильное.

Сяо Кань с виноватым видом сказал:

— Цзинъюнь понял. Прощу прощения за все свои неуместные слова...

— Ладно, пойдем.

— Хорошо.

Они добрались до крепости Хэйяо до наступления темноты. По совпадению, только что войдя в ворота крепости, они встретили Чжао Линьцзяна, который, судя по всему, тоже только что вернулся.

— Третий господин, Цзинъюнь. — Чжао Линьцзян сам обратился к ним.

Сяо Кань и Сун Юй невольно переглянулись.

Сун Юй кивнул и спросил:

— Только что вернулся с гор?

— Да, спускался за лекарствами. — Чжао Линьцзян держал в руке связку, похожую на лекарственные травы.

Сяо Кань вспомнил о Ду Нуцзяо:

— Линьцзян, я позже зайду к тебе за лекарством.

— О, хорошо. — Чжао Линьцзян понял.

Вспомнив об этом, Сун Юй вдруг обратился к Сяо Каню:

— Цзинъюнь, иди домой, мне нужно поговорить с Линьцзяном.

— Хорошо. — Сяо Кань догадывался, что Сун Юй, вероятно, хотел обсудить с Чжао Линьцзяном вопрос о сохранении тайны беременности Ду Нуцзяо.

Когда Сяо Кань ушел, Сун Юй начал:

— Когда ты рассказал Цзинъюню о ребенке?

Чжао Линьцзян ожидал этого:

— Цзинъюнь спросил, и я ответил. Прошу наказания, третий господин.

— Это не так важно, он должен был узнать. — сказал Сун Юй.

Увидев лекарства в руках Чжао Линьцзяна, Сун Юй добавил:

— Яд в теле моего брата все еще не выведен?

Услышав о Гуань Яо, лицо Чжао Линьцзяна изменилось:

— Простите, мои знания ограничены, пока я не нашел способа, могу только немного ослабить действие яда.

— Это не твоя вина, он носит яд в себе уже три года. Если бы не ты, он был бы в еще большей опасности. — вздохнул Сун Юй.

— Это моя обязанность как врача. Пожалуйста, не беспокойтесь, я сделаю все возможное, чтобы вывести яд из тела дяди Яо.

Сун Юй знал, что Чжао Линьцзян был человеком слова, и теперь, зная о его отношениях с Гуань Яо, он еще больше верил в искренность его слов.

Прежде чем Сяо Кань успел сам пойти к Чжао Линьцзяну за лекарством, Сун Юй уже привел его, чтобы осмотреть Ду Нуцзяо.

Ду Нуцзяо, увидев, что Сун Юй вернулся, обрадовалась. Сяо Кань и Чжао Линьцзян стояли в стороне, словно лишние.

Чжао Линьцзян пощупал пульс Ду Нуцзяо, сообщил, что с ребенком все в порядке, и дал несколько рекомендаций.

В этот момент Сяо Кань тоже был в комнате. Наблюдая, как Сун Юй внимательно слушает наставления Чжао Линьцзяна, он почти убедился в своих подозрениях.

— Тогда я пойду. — Чжао Линьцзян, закончив, собрался уходить.

— Цзинъюнь, проводи Линьцзяна. — распорядился Сун Юй.

— Хорошо. — Сяо Кань последовал за Чжао Линьцзяном.

Когда они вышли за ворота покоев Цинъюань, Сяо Кань спросил:

— Как учитель узнал, что я уже...

— Что тут странного? Если бы он действительно хотел скрыть это от тебя, сам бы пришел ко мне с рецептом, зачем тебе лишний раз ходить? — покачал головой Чжао Линьцзян.

Его слова были логичны, но если бы Сун Юй действительно хотел скрыть от него факт беременности, Сяо Кань хотя бы почувствовал, что Сун Юй заботится о его мнении.

А теперь, когда Сун Юй даже не пытался скрыть это, означало ли это, что он признал ребенка своим? Или же Сяо Кань для него не имел особого значения? Единственное, что было ясно — Сун Юй действительно доверял ему.

<http://bllate.org/book/16311/1471488>